

К проблеме диалогичности творчества Н.С. Лескова

В данной статье рассмотрены причины обращения Н. С. Лесков к чужому тексту, в частности, к произведениям Н. В. Гоголя. Гоголевские реминисценции позволяли Лескову акцентировать внимание на современных социальных проблемах общественного развития, более точно воссоздать типы и характеры как своих современников, так и их предшественников.

Н. С. Лесков в своем творчестве зачастую обращался к чужому тексту, осознанно цитируя его или вполне прозрачно намекая на него. Спектр цитируемых авторов и произведений был чрезвычайно широк: это и Библия, и древнерусские произведения, и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, и Толстой, и Достоевский. Еще представители романтизма достаточно вольно адресовались с чужим текстом, используя понравившиеся строки и не оформляя их в качестве цитаты, что было обусловлено рядом причин: во-первых, романтики стремились к диалогу друг с другом, поэтому отсыл к чужому тексту воспринимался как повод для продолжения обсуждения проблемы, во-вторых, текст не воспринимался как собственность, и цитирование чужого текста только подчеркивало точность и красоту созданного образа, в-третьих, в этот период в основном сохраняются жанровые каноны, поэтому следование традиции имело определяющее значение. Писатели-реалисты совершенно иначе обращаются с чужим текстом, уже хотя бы потому, что это для них становится чужой собственностью. Поэтому чужой текст зачастую оформляется в качестве прямой цитаты, и у него появляются новые функции. Так, желая наиболее точно воссоздать социальные проблемы современности, особенности той или иной эпохи, Н. С. Лесков часто обращался к произведениям Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского.

Творчество Н. В. Гоголя литераторы второй половины 19 века воспринимали, в первую очередь, как социально направленное, отстаивающее интересы «маленьких людей» и как сатирическое, высмеивающее пороки русского общества. Н. С. Лесков в данном случае не был исключением. Он широко обращался к творчеству своего великого предшественника, активно цитировал его. Как правило, Лесков прибегал к неточным цитатам, что свидетельствует, скорее всего, о цитировании по памяти. Наиболее часто писатель обращался к знаменитой пьесе «Ревизор» и поэме «Мертвые души», при этом, как правило, это были сознательные отсылы читателя к тексту Гоголя, т. к. даже неточно цитируемые слова в таком случае оформлены соответствующим образом, т. е. закавычены.

Так, Лесков обращается к петербургскому тексту Гоголя в целом, что находит отражение в повести «Павлин»: «Петербург не провинция, здесь попадает только тот, кому самому придет охота попасться. Одни сквозные ворота, которые пользовались таким благоуважением гоголевского Осипа, составляют, как известно, такой эффект петербургской жизни, что с ними не пропадешь...» [1, V, с. 257].

С одной стороны, упоминание об Осипе (комедия Гоголя «Ревизор») позволяет подчеркнуть, что пространство Петербурга наполнено ложью, в нем часто внешнее не соответствует внутреннему, и истина так далеко, что не всякий человек способен до нее дойти. Молодая и неискушенная Люба принимает оболочку за сущность, а смысл происходящего она осознает тогда, когда многого уже нельзя будет изменить. С другой стороны, в повести «Павлин» Лесков, не цитируя «петербургских повестей», обращается к гоголевским традициям: Петербург предстает не величественным имперским городом, городом прямых и широких улиц, прекрасных дворцов и архитектурных сооружений, а грязным, серым каменным пространством, с пустырями и узкими кривыми улочками, ведущими в тупик. У Гоголя: «Скоро потянулись перед ним те *пустынные улицы*, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались *еще глуше и уединеннее*: фонари стали мелькать реже – масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде

ни души; сверкал только один сне по улицам, да *печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки*» [2, I, с. 513]. У Лескова дом, где служил Павлин «был каменный, трехэтажный и с тремя дворами, уходившими один за другой внутрь, и обстроенный со всех сторон ровными трехэтажными корпусами. Вид его был мрачный, серый, почти тюремный. Впечатление, производимое им, было самое тягостное» [1, V, с. 214].

Петербург в сознании русского человека 19 столетия – это город, в котором открываются новые горизонты жизни. Персонажи Лескова, как и герои Гоголя, мечтают о богатой блестящей жизни светского Петербурга. Но в реальности эти горизонты оказываются или недостижимыми, или предстают самыми неприглядными сторонами: петербургский туман, размывающий и скрывающий истинные очертания, безобразное зачастую заставляет воспринимать как прекрасное, а прекрасное, напротив, как безобразное. Петербург уничтожает не только связи человека с домом, миром, но и поглощает отдельную личность, разрушая, он ничего не предлагает взамен.

Таким образом, очевидно, что «петербургский текст» Лескова («Воительница», «Островитяне», «Некуда», «Павлин» и др.) является своеобразным откликом на «петербургский текст» Гоголя. Лесков вслед за Гоголем акцентирует внимание на полярности петербургского пространства, его призрачности, отчужденности человека от города.

Лесков оценивал комедию Н. В. Гоголя «Ревизор», в первую очередь, как комедию социальную, в которой точно отражены быт и нравы России 30 – х годов 19 столетия. Именно характеризуя эту неоднозначную эпоху, Лесков неоднократно обращается к данной комедии. В рассказе «Человек на часах», стремясь воссоздать переполох в офицерских кругах, случившийся после того, как солдат Постников оставил пост, чтобы спасти утопавшего в Неве человека, и усилить сатирический эффект, Лесков пишет: «Тогда еще не было ни городских телеграфов, ни телефонов, а для спешной передачи приказаний начальства скакали по всем направлениям «сорок тысяч курьеров», о которых хранится долговечное воспоминание в комедии Гоголя» [1, VIII, с.165]. Если Хлестаков произносит фразу: «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!» [2, II, с.42] – только для того, чтобы подчеркнуть значимость того положения, которое он занимает в карьерной лестнице столицы, то для Лескова уже «сорок тысяч курьеров» (вероятно, ошибка в сторону увеличения не является случайностью) – это образ, позволяющий точно передать устройство государственной машины, где человеку и влечениям его души и сердца нет места, есть только устав, которому всем необходимо подчиняться. Именно неточная цитата из комедии «Ревизор» обращает внимание на то, что Петербург как город теряет свою индивидуальность, он олицетворяет безликую государственную машину, стремящуюся уничтожить личность. Человек в подобном пространстве не нужен, он оказывается лишним, Петербург требует существ особой породы, подобных точному механизму, не испытывающему эмоций, не чувствующему ни жалости, ни угрызений совести. Подобными механическими существами в пространстве имперского Петербурга оказываются не только офицеры, высшие чиновники – слуги государства, призванные охранять его, но представители высшего духовенства, предназначение которых – пробуждение в людях чувства сострадания, любви, стремления к добру и к осмысленному обретению свободы.

Еще одно обращение к монологам Хлестакова можно отметить в рассказе Лескова «Фигура». В эпизоде, когда Вигура ждет встречи с графом Сакеном, Лесков отсылает читателя к известнейшему эпизоду комедии «Ревизор». Ср.: у Гоголя: «А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графи и князья толкутся и *жуужжат* там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж...» [2, II, с.42]; у Лескова: «...встал рано и являюсь утром в сакеновскую приемную. Там был только еще один аудитор, а потом и другие стали собираться. *Жуужжат* между собою потихонечку...» [1, VIII, с.476]. В первую очередь, гоголевская реминисценция указывает на типичность и фальшь ситуации. Если Хлестаков говорит о Петербурге, то действие лесковского рассказа происходит в каком-то южном городке. Однако данная реминисценция обращает внимание не только на внешнюю готовность человека со смирением исполнять приказы вышестоящего, стать винтиком в имперской ма-

шине, сколько она свидетельствует о внутренней несвободе личности, способной забыть о своей самости, индивидуальности.

Есть и иного рода гоголевские реминисценции в произведениях Лескова. Писатель достаточно часто упоминает наиболее яркие гоголевские образы, что позволяет ему акцентировать внимание на те типичные черты характеров и явления в жизни России, которые ассоциируются с именами Сквозника-Дмухановского («еду... мечтаю, як оный гоголевский Дмухонец» [1, IX, с. 576] – «Заячий ремиз»), Держиморды, Хлестакова («а la Хлестаков перемигнуться» [1, V, с. 271] – «Павлин»).

Очевидно, что в творчестве Лескова и образ народа создан под непосредственным воздействием художественной прозы Гоголя. В произведениях Гоголя народ предстает как собирательный, обобщенный неоднозначный образ, писатель лишь изредка описывает конкретный персонаж, индивидуализация необходима ему только для того, чтобы подчеркнуть общие закономерности. Лесков, напротив, идет от конкретного жизненного факта. Но вслед за Гоголем Лесков создает образ народа как антитетичный: с одной стороны, он темен, не просвещен, ленив, зачастую даже глуповат, с другой – талантлив, умен, работающ.

Так, в «Мертвых душах» Гоголя крепостной человек осознает себя рабом, поэтому часто не думает о последствиях своих поступков, для этого у него есть хозяин. Знаменателен эпизод, когда Чичиков угрожает Селифану наказанием. Крепостной воспринимает это совершенно спокойно, как должное: «Почему ж не посечь, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, тои посеки; почему ж не посечь?» [2, II, с. 162]. В рассказе Лескова «Язвительный» крестьяне не могут простить управляющему немцу его «ужасных» действий: то в «золотое кресло» посадит и заставляет сидеть на глазах работающих, то вообще ниткой к нему привяжет. При этом крепостные абсолютно равнодушны к наказаниям «по-русски», когда секут на конюшне: «Ну, драма. Он господин, его была и воля» [1, I, с. 29].

Более всего Лескова поражило то, что массовое сознание народа не меняется десятилетиями. В рассказе «Продукт природы» слышатся гоголевские интонации в описании необдуманного, абсурдного крестьянского бунта, который сумел укротить один мелкий чиновник, нацепивший на себя бляху, пригнавший, как стадо заблудших овец, сорок крепостных: «Ах вы, сор славянский! Ах вы, дрянь родная! Пусть бы кто-нибудь сам-третий проделал эту штуку над сорока французами!.. Черта-с два! А тут все прекрасно [...] О. если бы у меня был орден!.. С настоящим орденом я бы один всю Россию выпорол!» [1, IX, с. 354]. Как не вспомнить тут Гоголя, который писал, что для «отвращения» бунта «существует власть капитана-исправника, что капитан-исправник хоть сам и не ездит, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства» [2, II, с. 255].

В 1880 – 90-е годы в творчестве Лескова усиливаются сатирические тенденции: писатель все более разочаровывался в современной действительности, считал, что в ней начался «голод ума, голод сердца и голод души» [1, IX, 295]. В его произведениях этого периода Лескову хотелось отразить «современную пошлость и самодовольство» [2, XI, 554]. Слова Лескова звучат как продолжение фраз Гоголя о «Мертвых душах»: «Не спрашивай, зачем первая часть должна быть вся пошлость и зачем в ней все лица до единого должны быть пошлы...» [3, 123].

Лесков не просто упоминает имя Гоголя в письмах, апеллирует к его персонажам в своих высказываниях, он активно реагирует на те воспоминания о писателе, которые представляются ему лживыми, искажающими образ прозаика-пророка, и даже сам создает произведение, где центральный образ – это образ молодого Гоголя, студента Нежинской гимназии. Следует отметить, что «Путимец» Лескова имеет подзаголовок – «Из апокрифических рассказов о Гоголе», – подчеркивающий отсутствие претензий на документальное начало в произведении. Лесков, записывая воспоминания о Гоголе-гимназисте, создает образ будущего писателя под влиянием одного из поздних произведений прозаика – «Выбранные места из переписки с друзьями». Молодой Гоголь в тексте Лескова отличается не только способностью угадывать судьбы людей, но и склонностью к мистицизму. Так, в произведении Лескова «Гоголь развивал мысль: как один человек с добрым настроением способен принести доб-

ро другому, доказать ему безобидно его недостойнство и подвинуть его на лучшее. И вот такой-то человек и есть ангел, или, в известном смысле, «Бог для человека» [1, XI, с. 61]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» в письме «Русский помещик» Гоголь писал: «Объяви им всю правду: что душа человека дороже всего на свете и что прежде всего ты будешь глядеть за тем, чтобы не погубил из них кто-нибудь своей души и не предал бы ее на вечную муку» [3, 137].

О роли реминисценций справедливо писал Ю. М. Лотман: «Реалистический текст в принципе ориентирован на «изображение в изображении». ... Конечно, системы цитаций характерны лишь для той стадии реалистического искусства, когда оно вырабатывает свой язык, однако ориентация на двойное семиотическое кодирование составляет его черту. Побочным результатом этого будет то, что реалистические тексты являются ценным источником для суждений о прагматике разного рода социальных знаков» [4, 687-688].

Таким образом, совершенно очевидно, что текст Лескова является откликом на текст Гоголя, при этом это не рабское подражание, а именно отклик. Гоголевские реминисценции позволяют Лескову расширить рамки своих произведений благодаря тем ассоциациям, которые возникают в связи с цитатами Гоголя.

Литература

- 1 Лесков, Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / Н. С. Лесков – М.: Худож. литер., 1956 – 1958.
- 2 Гоголь, Н. В. Избранные сочинения: в 2 т. / Н. В. Гоголь – М.: Худож. литер., 1978.
- 3 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь – М.: Советская Россия, 1990. – 432 с.
- 4 Лотман, Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман – С-Пб.: Искусство СПб, 1997. – 848 с.

УДК 821.161.1' 06: 02-191

С. Б. Цыбакова

Идейно-художественные особенности «маленьких» притч монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского

В статье проводится анализ поэтики притч, созданных современными православными монахами Варнавой (Саниным) и Симеоном Афонским в духе традиции религиозно-поучительного чтения для детей и взрослых, рассматриваются их композиционные и стилистические особенности, основные дидактические темы и идеи, связанные с ценностными приоритетами христианства. Обращение писателей-иноков к жанру притчи определяется, прежде всего, авторским стремлением доступно и занимательно передать читателям-мирянам разного возраста глубинный нравственный смысл учения Евангелия и православной аскетики. Произведения монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского представляют собой один из примечательных фактов плодотворного освоения и обогащения художественной формы христианской духовной притчи, продуктивного использования возможностей и принципов образно-аналогического мышления.

Притча – редкий и вместе с тем востребованный во все времена жанр мировой литературы и фольклора. Как правило, чаще всего к нему обращались религиозные проповедники и подвижники, писатели-моралисты, которые через язык аллегорических иносказаний и метафор стремились передать основы и сущность нравственной мудрости, содержание связанных с ней понятий и принципов. В общечеловеческой дидактической традиции словесного искусства притчи – это «изречения разума» о добре и зле, о ценностях истинных и мнимых, о невидимой красоте добродетели и мерзости порока, о важности самопознания и духовном самосовершенствовании, а также о многом другом, что составляет нравственное измерение сознания и бытия людей.

В настоящее время в связи с активизацией творчества писателей, исповедующих христианство, наблюдается и возрождение традиций классической духовной притчи. Отличительной особенностью жанрового состава современной православной прозы является нали-